

М. Турнье

**Пятница, или Тихоокеанский
лимб**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
М11

М. Турнье
М11 Пятница, или Тихоокеанский лимб / М. Турнье – М.: Книга по Требованию, 2021. – 142 с.

ISBN 978-5-4241-2872-1

Мишель Турнье не только входит в первую пятерку французских прозаиков, но и на протяжении последних тридцати лет является самым читаемым писателем из современных авторов живым классиком. В книге «Пятница, или Тихоокеанский лимб» Турнье обращается к сюжету, который обессмертил другого писателя Даниеля Дефо. Однако пропущенный сквозь призму новейшей философии, этот сюжет не просто переворачивается, но превращается в своего рода литературный конструктор, из которого внимательный читатель сможет выстроить свою версию знаменитого романа. В основе романа жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо. Надежно построенный парусник «Виргиния» идет ко дну, так и не достигнув берегов далекого Нового Света. Двадцатидвухлетний бедняга Робинзон оказывается в кромешном одиночестве на необитаемом острове. . . Он пытается превратить свое вынужденное пристанище в миниатюрное подобие той цивилизации, которую знал раньше. Но жизнь полна сюрпризов. Островная цивилизация погибнет, и Пятница, который еще вчера был слугой Робинзона, станет его учителем и другом....

ISBN 978-5-4241-2872-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© М. Турнье, 2021

Мишель Турнье
Пятница, или Тихоокеанский
лимб

Пролог

Фонарь, подвешенный к потолку каюты, с точностью свинцового отвеса отмерял своими размахами величину крена, который «Виргиния» принимала под ударами крепчавшего шторма. Наклонившись, капитан Питер ван Дейсел положил перед Робинзоном колоду тара.

— Откройте верхнюю карту, — сказал он и вновь откинулся в кресле, выпустив из своей фарфоровой трубки клуб дыма. — Это Демиург, — пояснил он. — Один из трех главных больших арканов. Он представлен фокусником перед столом, заваленным самыми разными предметами. Это означает, что вы — иррациональный устроитель. Демиург борется со вселенским хаосом, пытаясь одолеть его с помощью всевозможных подручных средств. Ему вроде бы сопутствует удача, но не будем забывать, что наш Демиург одновременно и фокусник: его деяния — иллюзия, его порядок — иллюзорен. К сожалению, он об этом и не подозревает. Скептицизм не входит в число его добродетелей.

Глухой удар сотряс корабль, и фонарь взметнулся к потолку под углом сорок пять градусов. Резкий шквал ветра развернул «Виргинию» бортом к волне, и та с пушечным грохотом обрушилась на палубу. Робинзон открыл следующую карту, захватанную сальными пальцами. На ней был изображен некто в короне и со скипетром, на колеснице, влекомой двумя скакунами.

— Марс! — объявил капитан. — Наш маленький Демиург одержал славную победу над природой. Он восторжествовал благодаря своей силе и теперь устанавливает вокруг себя порядок по своему образу и подобию. — И ван Дейсел, грузно, как Будда, осевший в своем кресле, обвел Робинзона хитрым взглядом. — Порядок... по вашему образу и подобию, — задумчиво повторил он. — Что способно пронзить душу человека, как не сознание безграничной власти, благодаря которой он может вершить все по своей воле, не ведая никаких препятствий! Робинзон-Король... Вам двадцать два года. Вы покинули... гм... оставили в Йорке молодую жену с двумя детьми и, по примеру многих своих соотечественников, отправились искать счастье в Новый Свет. Позже ваша семья придет к вам. Н-да, придет... ежели будет на то Господня воля... Ваши коротко остриженные волосы, рыжая квадратная борода, прямой взгляд светлых глаз, пусть даже странно пристальный и неподвижный, ваша одежда, скромность которой граничит с вызовом, все это позволяет отнести вас к разряду тех счастливых, которые никогда и ни в чем не сомневаются. Вы благочестивы, скуповаты и непорочны. То королевство, чьим повелителем, возможно, вы станете, будет походить на наши огромные голландские шкафы, куда женщины складывают стопками белоснежные простыни и скатерти, перемежая их душистыми саше с лавандой. Да вы не сердитесь. И не краснейте так. Мои слова могли бы звучать оскорблением, будь вы лет на двадцать постарше. Вам, и впрямь предстоит еще постигнуть многое. Не краснейте и выбирайте следующую карту... Ну вот, что я говорил! Вы мне подали Отшельника. Воинственный бог осознал свое одиночество. Он укрылся в глубине пещеры, дабы, вновь обрести там свою истинную природу. Но, углубляясь таким манером в недра Земли, свершая паломничество в глубь самого себя, он сделался другим существом. И если когда-нибудь он вырвется из этого заточения, то поймет, что его нетленная душа покрылась

невидимыми глазу трещинами. А теперь, прошу вас, еще карту.

На сей раз Робинзон помедлил. Речи этого дородного голландского Силена, этого жизнелюбца и материалиста, таили в себе неведомую опасность. С тех пор как Робинзон поднялся в Лиме на борт «Виргинии», ему удалось избегать встреч наедине с этим чертовым капитаном, который с первых же слов отвратил его от себя едким умом и нескрываемо циничным эпикурейством. И только разбушевавшийся ураган сделал его пленником, загнав в каюту ван Дейсела — единственное место на корабле, где было хоть какое-то подобие комфорта в такую непогоду. Но голландец, судя по всему, решил воспользоваться представившейся возможностью и вволю потешиться над наивным пассажиром. Когда Робинзон отказался выпить с ним, ван Дейсел извлек из ящика стола колоду тара и дал волю своей провидческой иронии под грохот бури, что оглушал Робинзона, словно бесовский шабаш, сопровождающий зловещую игру, куда его втянули помимо воли.

— Ага, вот кто вытащит Отшельника из его норы! Сама Венера появляется из волн морских и делает первые шаги по земле ваших угодий. Следующую карту, прошу вас... Благодарю. Шестой аркан: Стрелец. Венера, стало быть, обратилась в ангела с крыльями, посылающего свои стрелы к солнцу. Еще карту! Ах так, значит... Беда! Вы открыли двадцать первый аркан — загадку Хаоса. Зверь Земли вступил в борьбу с огненным чудовищем. И человек, коего вы здесь видите, попал меж двух противоборствующих сил; он безумен, о чем свидетельствует его погремушка. Да и не мудрено ему утратить рассудок. Передайте-ка мне еще карту. Так, превосходно. Этого и надо было ожидать: Сатурн — двенадцатый аркан — изображает висельника. Но знаете ли вы, что самое знаменательное в этом персонаже? Он повешен за ноги. Ох, не миновать вам висеть вниз головой, бедный вы мой Крузо! Давайте-ка мне поскорее следующую карту. Так, поглядим... Аркан пятнадцатый: Близнецы. Я уж и то спрашивал себя, какова будет новая ипостась нашей Венеры, обернувшейся Стрельцом. Теперь, значит, она — ваш брат-близнец. Близнецы изображены привязанными за шеи к ногам двуполого Ангела. Заметьте себе это хорошенько!

Робинзон рассеянно слушал капитана. И однако его не слишком беспокоили жалобный скрип корпуса судна под ударами волн и мечущаяся горсточка звезд, танцующих в темном проеме иллюминатора над головой голландца. «Виргиния» — столь невзрачная в хорошую погоду — была надежно построенным парусником, способным выдержать натиск любой бури. Низкий топорный рангоут, кургузый пузатый корпус водоизмещением в двести пятьдесят тонн уподобляли ее скорее котлу или лохани, нежели гордой красавице морей, а уж тихо-ходность ее была предметом зубоскальства во всех портах мира, где она бросала якорь. Зато матросы на «Виргинии» могли спать без задних ног в самый страшный шторм, разве что кораблю угрожали близкие рифы. К этому нужно добавить и благоразумие их капитана, который отнюдь не рвался сражаться с бурями и ураганами и рисковать, лишь бы не свернуть с намеченного курса.

Нынче днем, 29 сентября 1759 года, когда «Виргиния» должна была находиться на 32-м градусе южной широты, барометр вдруг резко упал, а на кончиках мачт и рей ярко вспыхнули огни Святого Эльма — предвестники необычайно жестокого шторма. Горизонт на юге, куда лениво поспешал галиот (Парусный трехмачтовый корабль), налился угрожающей чернотой — когда о палубу тяже-

ло ударились первые капли дождя, Робинзон даже удивился, что они были бесцветны. Корабль уже окутывала зловещая ночная мгла, и тут поднялся и задул порывистый норд-вест; он непрерывно менял направление, швыряя судно взад-вперед, отклоняя его от курса на пять-шесть румбов. Кроткая «Виргиния» из последних сил храбро противостояла гигантским отвесным валам; она зарывалась носом в бешено кипящую воду, но все равно стремилась вперед с неотвратимым упорством, вызвавшим слезы умиления в обычно насмешливых глазах ван Дейсела. Однако два часа спустя оглушительный треск заставил голландца броситься на палубу, где взору его предстал лопнувший, точно воздушный шар, парус фок-мачты, от которого остались лишь изодранные, трепыхающиеся клочья. Капитан решил, что честь корабля и так уже спасена и упорствовать далее неразумно. Он приказал лечь в дрейф и освободил штурвального от вахты. С этой минуты буря словно решила поощрить «Виргинию» за уступчивость. Судно плавно заскользило по беснующимся волнам, а яростный ураган как будто позабыл о нем. Тщательно задраив люки, ван Дейсел отослал в кубрик всю команду, за исключением вахтенного и Тэна — судового пса. Затем он укрылся в своей каюте, где его ожидали многочисленные улады в виде голландской философии, можжевелевой водки, ячменных галет, чая в тяжелом, как пушечное ядро, чайнике, табака и трубки. Десятью днями раньше зеленая полоска на горизонте по левому борту известила экипаж о том, что корабль пересек Тропик Козерога и теперь огибает острова Десвентурадос. Держа курс на юг, он должен был через сутки войти в воды островов Хуан-Фернандес, но сейчас буря гнала его к востоку, в сторону чилийского побережья, от которого судно пока отделяли сто семьдесят морских миль водного пространства, где, если верить картам, не было ни островов, ни рифов. А значит, и беспокоиться было не о чем.

Голос капитана, на миг заглушенный воем бури, зазвучал вновь:

— А вот теперь мы видим Ближнецов на большом девятнадцатом аркане — аркане Льва. Двое детей стоят, держась за руки, перед стеной, символизирующей Солнечный город. Бог-Солнце занимает всю верхнюю часть карты. Обитатели Солнечного города, простирающегося между временем и вечностью, между жизнью и смертью, отличаются младенческой невинностью, ибо они наделены особой, солнечной сексуальностью, которая, помимо того что андрогенична, добавок еще и кольцеобразна. Змея, кусающая собственный хвост, — вот символ этой эротики, замкнутой на самое себя. Это апогей человеческого совершенства, бесконечно трудно достижимого и еще более трудно хранимого. Похоже на то, что вы призваны возвыситься до него. По крайней мере мои египетские гадальные карты ясно говорят об этом. Примите уверения в моем почтении, молодой человек! — И капитан, привстав с мягкого кресла, полуиронически-полусерьезно склонился перед Робинзоном. — А теперь дайте, пожалуйста, еще карту... Благодарю. Ага, Козерог! Это ведь врата исхода душ умерших, иначе говоря, Смерть. И скелет с косой на равнине, усеянной руками, ногами и головами, достаточно ясно выражает зловещий смысл, таящийся в этой карте. Вам, низвергнутому с сияющих высот Солнечного города, грозит смертельная опасность. Мне не терпится — хотя и боязно — увидеть, какая карта выпадет вам дальше. Если знак будет слабый, значит, истории вашей конец...

Робинзон насторожился. Ему почудилось, будто к дьявольской симфонии разбушевавшегося моря и ветра добавились человеческий голос и лай собаки.

Трудно было утверждать наверняка: может, его просто слишком занимала мысль о вахтенном, привязанном там, наверху, под ненадежным прикрытием козырька, среди адского разгула стихий. Матрос был так прочно прикручен канатом к кабестану, что не мог освободиться сам, даже если бы захотел поднять команду по тревоге. Но услышан ли его крик другими? И не он ли только что раздался опять?»

— Юпитер! — воскликнул капитан. — Вы спасены, Робинзон, но, черт побери, издалека же вы вернулись! Вот она, петля судьбы! Вы уже шли ко дну, когда Господь Бог пришел к вам на помощь, да как своевременно! Он, точно самородок, вырванный из мрака шахты, воплотился в золотого младенца и теперь возвращает вам ключи от Солнечного города.

Петля?.. Не это ли слово только что тоскливым воплем прорезало завывания бури? Петля?.. Да нет же! Земля!

Вахтенный наверняка крикнул: «Земля!» И в самом деле, какую еще важную новость мог он возвестить на борту этого корабля без руля и ветрил, как не появление неведомого берега с песчаными отмелями или острыми рифами?

— Мои слова, вероятно, кажутся вам пустой болтовней, — заметил ван Дейсел. — Но именно в этом и кроется высшая мудрость тара: карты никогда не толкуют нам грядущее ясно и определенно. Вообразите себе, какое смятение вызвало бы точное предсказание будущего. Самое большее, что нам дано, — смутно его провидеть. Мое толкование в некотором роде зашифровано, но ключом к шифру явится сама ваша последующая жизнь. Каждое событие в ней откроет вам истинность того или иного из моих предсказаний. И сей вид пророчества не столь уж обманчив, как может показаться на первый взгляд.

Капитан умолк, посасывая изогнутый мундштук своей длинной эльзасской трубки. Но она успела погаснуть. Он вынул из кармана перочинный ножик и, выдвинув шило, принялся вычищать из фарфоровой головки золу и ссыпать ее в лежащую на столе раковину. Робинзон больше не слышал тревожных криков в диком оркестре шторма. Вытянув за кожаный язычок деревянную затычку, капитан откупорил бочоночек с табаком. С бесконечными предосторожностями он просунул свою хрупкую трубку внутрь и оставил ее в табаке.

— Так я уберегаю ее от ударов, — пояснил он, — вдобавок она пропитывается медовым запахом моего «амстердама» (сорт голландского табака).

— Внезапно он замер и пронзил Робинзона строгим взглядом. — Крузо! — сказал он. — Послушайте меня: берегитесь непорочности! Непорочность — язва души!

И в этот миг фонарь, резко «взлетев вверх на своей цепи, вдребезги разбился о потолок каюты, а капитана бросило вперед, грудью на стол. В кромешной тьме, под громкий треск дерева, Робинзон ощупью двинулся к двери. Он так и не нашел ее, а по сильному сквозняку понял, что двери больше нет и он уже в коридоре. Все его тело заныло от ужасного ощущения неподвижности, сменившей резкую качку. На палубе, в зловещем свете полной луны, он смутно различил матросов, спускавших спасательную шлюпку. Он было рванулся к ним, но тут палуба провалилась у него под ногами. Казалось, тысячи таранов разом ударили в левый борт галиота. Черная стена воды, обрушившись на корабль, смыла с него все от носа до кормы — и людей, и снасти.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Волна хлынула на берег, пробежала по влажному песку и лизнула ноги Робинзона, лежавшего лицом вниз. Еще не совсем придя в себя, он скорчился, встал на четвереньки и отполз подальше от воды. Потом перевернулся на спину. Черные и белые чайки с тоскливыми воплями метались в лазурном небе, где лишь одно серовато-белое волоконец, уплывающее к востоку, напоминало о вчерашней буре. Робинзон с трудом сел и тотчас же ощутил жгучую боль в левом плече. Берег был усеян растерзанными рыбами, крабьими панцирями и коричневатыми водорослями, которые встречаются лишь на определенной глубине. К северу и востоку до самого горизонта простиралась морская гладь, на западе же обзор мешал огромный скалистый утес, выдающийся в море и продолженный в воде грядою рифов. И именно там, среди них, примерно в двух кабельтовых от берега, виднелся нелепый и трагический силуэт «Виргинии», чьи изувеченные мачты и оборванные, хлопающие по ветру ванты безмолвно свидетельствовали о постигшем ее бедствии.

Когда ураган еще только набирал силу, галиот капитана ван Дейсела, вероятно, находился не к северу, как он полагал, но к северо-востоку от архипелага Хуан-Фернандес. Разразившаяся буря отогнала и чуть не прибила корабль к острову Мас-а-Тьерра, не дав ему свободно дрейфовать на стосемидесятимильном морском пространстве, отделяющем этот остров от чилийского побережья. Таково, по крайней мере, было наименее пессимистическое предположение Робинзона — ведь, судя по описанию Вильяма Дампьера *<английский мореплаватель, исследователь, пират, автор «Кругосветного путешествия» (1691) и «Трактата о ветрах и течениях...» (1699)>*, население Мас-а-Тьерра, весьма, впрочем, малочисленное и рассеянное по тропическим лесам и лугам площадью девяносто пять квадратных километров, составляли выходцы из Испании. Однако можно было допустить и другую вероятность: капитан не отклонился от заданного курса, а «Виргиния» просто разбилась о рифы неизвестного островка, расположенного где-то между архипелагом Хуан-Фернандес и южноамериканским побережьем. В любом случае следовало идти на поиски спасшихся от кораблекрушения и местных жителей, буде таковые существовали.

Робинзон поднялся и сделал несколько шагов. Переломов у него вроде не было, но левое плечо являло собой огромный сплошной синяк. Опасаясь палящих лучей уже высоко стоявшего солнца, он покрыл голову свернутым в виде колпака листом папоротника, который в изобилии произрастал между берегом и лесом. Потом подобрал ветку дерева и, опираясь на нее, как на трость, вошел в колючие заросли, покрывавшие склоны вулканических гор, с высоты которых он надеялся определить свое местонахождение.

Постепенно лес густел. Колючий подлесок сменился ароматными лавровыми деревьями, красными кедрами, соснами. Поверженные наземь мертвые, гниющие стволы спутались меж собою так неразделимо, что Робинзон то пробирался по древесному туннелю, то шел, балансируя, в нескольких метрах над землей, по мосткам, созданным самой природой. Переплетенные лианы и ветки окружали его со всех сторон, точно гигантская сеть-ловушка. Звук шагов в мертвой тиши леса будил неведомое пугающее эхо. Здесь не только не ступала нога че-

ловека: даже и зверей не было видно в этом заколдованном замке, чьи зеленые чертоги открывались его взору один за другим. Вот почему Робинзон сначала принял за пень, только более причудливой формы, неподвижный силуэт в сотне шагов от себя, напоминающий барана или крупную косулю. Но мало-помалу предмет в зеленом полумраке обернулся диким косматым козлом. Застыв, как изваяние, высоко вскинув голову и насторожив уши, он глядел на приближавшегося человека. Робинзона охватил суеверный ужас при мысли о том, что ему придется проходить мимо необычного зверя, — не обойти ли его стороной? Отбросив слишком легкую палку, он подобрал с земли черный узловатый сук, достаточно массивный, чтобы отразить нападение козла, если тот вздумает броситься на него.

Он остановился в двух шагах от животного. Из-под густых косм на него уставились два больших зеленых глаза с темными овальными зрачками. Робинзон вспомнил, что большинство четвероногих, в силу особенного, бокового зрения, не различают находящегося прямо перед ними — так, например, бык, кидаясь на своего противника, не видит его. Косматое изваяние, преградившее ему дорогу, издало утробное блеянье. Испуг и смертельное изнеможение Робинзона обратились вдруг в бешеную ярость. Размахнувшись, он обрушил свою дубину на темя козла, между рогами. Раздался глухой треск, зверь рухнул на колени и завалился на бок. Козел был первым живым существом, которое Робинзон встретил на этом острове. Встретил — и убил.

После нескольких часов ходьбы он достиг подножия горного хребта; среди утесов чернело широкое отверстие. Войдя в него, Робинзон увидел пещеру поистине необычных размеров, такую глубокую, что невозможно было обследовать ее наспех. Он вышел наружу и начал карабкаться по хаотически нагроможденным утесам на вершину горы, которая, по всем признакам, являлась самой высокой точкой этих мест. И в самом деле, оттуда он смог окинуть взглядом горизонт: море окружало землю со всех сторон. Значит, он очутился на островке, и островок этот был куда меньше, чем Мас-а-Тьерра, и к тому же явно необитаем. Теперь Робинзон понял необычное поведение убитого им животного: козел просто никогда не видел людей и его пригвоздило к месту любопытство. Робинзон был слишком измучен, чтобы постичь всю глубину своего несчастья... «Раз это не Мас-а-Тьерра, значит, я попал на остров Скорби», — сказал он себе, выразив этим импровизированным крещением весь трагизм случившегося. А день тем временем уже угасал. Голод терзал Робинзона до тошноты. Но отчаяние движет человеком, побуждая его к действиям. Спускаясь с горы, Робинзон отыскивал куст дикого ананаса; правда, плоды его были мельче калифорнийских и не так сладки, но он разрезал их на кусочки перочинным ножом и кое-как насытился. Потом забрался под нависшую скалу и погрузился в глубокий, без сновидений, сон.

Гигантский кедр, росший неподалеку от входа в пещеру, высился над скалистым хаосом, словно властелин и хранитель острова. Когда Робинзон пробудился, легкий норд-вест ласково поглаживал ветви дерева. Тихий шелест хвои утешил несчастного; быть может, чутко вслушавшись в него, он угадал бы, какой приют сулит ему остров, не будь все его внимание поглощено морем. Поскольку эта неведомая земля не Мас-а-Тьерра, он, по всей видимости, оказался на островке, не обозначенном на картах и затерявшемся где-то между архипелагом и чилийским побережьем. И этот клочок суши отделяли от островов Хуан-Фернан-

дес — на западе — и от Южноамериканского континента — на востоке — расстояния, которые одному человеку на плоту или в хрупкой пироге наверняка невозможно было преодолеть. Вдобавок островок явно лежал в стороне от регулярных морских путей, поскольку до сих пор оставался неизвестным.

Погрузившись в эти печальные мысли, Робинзон одновременно изучал взглядом конфигурацию острова. Вся его западная часть была покрыта буйной тропической растительностью и завершалась скалистым хребтом, уходившим в море. К востоку же, наоборот, простирались переходившие в топкую трясиину заболоченные луга на пологом берегу лагуны. Причалить к островку можно было только с севера. Здесь берег представлял собою широкий песчаный пляж, огибавший обширную бухту; на северо-востоке его замыкали песчаные дюны, на северо-западе — рифы, а среди них — «Виргиния» с пропоротым чревом.

И когда Робинзон начал спускаться обратно на берег, откуда пришел накануне, душа его претерпела первое изменение. Ее осенила задумчивая, глубокая печаль, ибо теперь он полностью осознал и измерил то одиночество, которому — кто знает, на какой срок? — суждено было стать его судьбой.

Робинзон уже забыл об убитом им козле, как вдруг увидел его на прогалине, по которой прошел утром. Ему повезло: почти случайно под руку попала та самая дубина, которую он тогда бросил в нескольких шагах от животного; теперь она оказалась весьма кстати, ибо на туше сидело с полдюжины грифов; втянув головы, они злобно глядели маленькими розовыми глазками на подходившего человека. Козел с растерзанными внутренностями был распростерт на камнях, а налитые кровью голые, раздутые зобы стервятников, торчащие из растрепанных перьев, ясно свидетельствовали о том, что пиршество длилось уже давно.

Робинзон двинулся на грифов, размахивая увесистой дубиной. Птицы разбежались, неуклюже ковыляя на кривых лапах, а потом тяжело взлетели друг за дружкой в воздух.. Одна из них, сделав круг, вернулась и выпустила зеленый комок помета, который шлепнулся на ствол дерева рядом с Робинзоном. Грифы успели основательно поработать над козлом. Они выклевали все кишки, прочие внутренности и гениталии — вероятно, остальное мясо годилось им в пищу только после долгого гниения на солнце. Робинзон взвалил мертвого козла на плечи и продолжил путь.

На берегу он отрезал четверть туши, подвесил ее к треножнику, связанному из сучьев, и зажарил на костре, набрав для него эвкалиптовых веток. Потрескивание пламени утешило его куда больше, чем жесткое, отдающее мускусом мясо, которое он жевал, не отрывая глаз от горизонта. Робинзон решил поддерживать огонь постоянно — во-первых, чтобы он согревал ему душу, а во-вторых, чтобы сберечь кремневое огниво, обнаруженное в кармане; оно пригодится, когда нужно будет дать о себе знать возможным спасителям. Впрочем, что могло привлечь внимание проходящих в виду острова кораблей больше, чем сама «Виргиния», по-прежнему прочно насаженная на риф и видная издали во всем ужасе бедственного своего положения, с обрывками снастей, свисающих с разбитых мачт, но с сохранившимся корпусом, способным соблазнить любого морского бродягу? Робинзон подумал об оружии и провизии всех видов, которые лежали в трюме: нужно бы поскорее спасти их, пока новая буря окончательно не разметала потерпевшее бедствие судно в щепки. Если его пребывание на острове затянется, то сама жизнь будет зависеть от этого наследства, оставленного

попутчиками, в чьей гибели теперь уже сомневаться не приходилось. Благоразумие подсказывало Робинзону не медлить с разгрузкой, хотя такая задача была почти не под силу одному человеку. И все-таки он не двинулся с места, оправдывая свое бездействие тем, что облегченная «Виргиния» скорее станет игрушкой ветра и лишит его надежного шанса на спасение. На самом же деле он испытывал неодолимое отвращение к любым действиям, рассчитанным на длительное пребывание на острове. Робинзон убеждал себя, что долго он тут не задержится, а, кроме того, какой-то суеверный страх нашепывал ему, что, тратя усилия на устройство здешней жизни, он упускает шанс на скорое избавление от нее. Вот почему он упрямо сидел спиной к острову и во все глаза глядел на выпуклую серебристую морскую гладь, откуда должно было прийти спасение.

Все последующие дни Робинзон занимался подготовкой различных сигналов, которые извещали бы о его присутствии на острове. Рядом с постоянно поддерживаемым костром на берегу он навалил кучи хвороста и водорослей; стоило какому-нибудь паруснику показаться на горизонте, как они мгновенно занялись бы дымным пламенем. Потом он решил установить мачту с прибитым на верхушке шестом, длинный конец которого касался бы земли. В случае тревоги он привяжет к этому концу горящую охапку веток и, притянув другой конец за свисающую с него лиану, поднимет вверх свой импровизированный маяк. Но Робинзон бросил эту затею, когда обнаружил на западной оконечности бухты высохший эвкалипт высотой футов в двести; его пустой, лишенный сердцевины ствол представлял собою идеальную, уходящую в небо вытяжную трубу. Робинзон сложил у подножия дерева сухую траву и сучья; теперь он мог в считанные мгновения превратить его в гигантский факел, заметный на несколько миль в округе. Он не стал тратить время на установку сигналов, видимых в его отсутствие, ибо не собирался удаляться от взморья, где, вполне вероятно, через несколько часов или, самое позднее, завтра-послезавтра какой-нибудь корабль бросит якорь, чтобы принять его на борт.

Он не тратил усилий и на поиски пищи и питался чем придется — мидиями, листьями портулака, корнями папоротника, кокосовыми орехами, пальмовой капустой, ягодами, птичьими и черепашьими яйцами. На третий день он, к радости стервятников, зашвырнул подальше козлиную тушу, издававшую невыносимую вонь. Но вскоре ему пришлось раскаться в этом промахе, из-за которого он привлек к себе неусыпное внимание мерзких птиц. Отныне, куда бы он ни пошел, что бы ни делал, поодаль обязательно собирался пернатый «ареопаг», и белые головы на обшипанных шеях поворачивались ему вслед. Иногда Робинзон в раздражении забрасывал грифов камнями или палками, но они уклонялись от них так лениво, словно, будучи помощниками смерти, самих себя считали бессмертными.

Робинзон не хотел вести счет бегущим дням. К чему? Он всегда сможет узнать от своих спасителей, сколько времени прошло с момента кораблекрушения. Он так и не определил точно, через сколько дней, недель или месяцев бездействие и ленивое созерцание горизонта начали угнетать его. Бескрайняя поблескивающая, слегка выпуклая поверхность океана завораживала, притягивала взгляд, и Робинзона охватывал страх: уж не становится ли он жертвой галлюцинаций? Поначалу он просто-напросто забыл, что у ног его — лишь жидкая субстанция, находящаяся в вечном движении. Перед ним, чудилось ему, простиралась твердая